

*Где горе слышится, где тяжело
дышится — будь первый там.*

КАЖДОМУ ЧЕЛОВЕКУ

АРХИМАНДРИТ
ПАВЕЛ
(ГРУЗДЕВ)

ТЕПЛОЕ СЛОВО
И В МОРОЗ СОГРЕВАЕТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКОВСКОЙ ПАТРИАРХИИ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
МОСКВА • 2022

УДК 242
ББК 86 372
П12

Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р21-117-0416

Павел (Груздев), архим.

П12 Теплое слово и в мороз согревает / сост. Н. А. Мамлина. — М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2022. — 64 с.: ил. — (Каждому человеку).

Настоящая книга составлена из устных рассказов, проповедей, дневниковых записей и выписок архимандрита Павла (Груздева). Отрывки, вошедшие в сборник, распределены по трем темам: «О молитве», «О грехе и о покаянии», «О жестокосердии и о милосердии». Простое и теплое слово отца Павла, утешавшее многих его духовных чад в XX веке, будет полезно и современному читателю, ищущему ответы на вечные вопросы.

© Издательство Московской
Патриархии Русской
Православной Церкви, 2022

ISBN 978-5-88017-922-0

От составителя

Будущий архимандрит Павел (Груздев; 1910 (1911?) — 1996) получил благословение на монашество еще в детстве от святителя Тихона, Патриарха Московского и всея России. В то время Павел учился в церковно-приходской школе и нес послушание в мологском Кирилло-Афанасьевском женском монастыре, где подвизались три его тети. «Я жил в Мологе, — вспоминал впоследствии батюшка. — Какой прекрасный город! Сколько церквей, сколько домов! Всё затопили»¹.

В свои молодые и зрелые годы Павел, на тот момент уже принявший постриг в рясофор в Варлаамо-Хутынском Спасо-Преображенском мужском монастыре, разделил с Церковью ее Голгофский путь: в 1941 году был арестован по сфабрикованному делу группы церковнослужителей (обвинение по статье 58, часть I, пункты 10–11) и приговорен к шести годам лишения свободы, а в 1949-м — по старому обвинению отправлен в ссылку, из которой смог вернуться лишь спустя пять лет. Впереди были священство, пострижение в мантию, 32 года настоятельства в Троицкой

¹ Архимандрит Павел (Груздев). Документы к биографии. Воспоминания о батюшке. Рассказы отца Павла о своей жизни. Избранные записи из дневниковых тетрадей. М.: Отчий дом, 2006 (далее: *Документы к биографии...*). С. 407.

церкви села Верхне-Никульского Ярославской области, а потом выход за штат по состоянию здоровья и жизнь в городе Тутаеве (бывшем Романове-Борисоглебске), в сторожке при Воскресенском храме.

Весь земной путь отца Павла был наполнен любовью к Богу и к ближнему, всем старался помочь исповедник: в лагере спас человека из петли; когда был расконвоированным, рискуя собственной жизнью, проносил в барак овощи для страждущих; а самым счастливым днем своей жизни называл тот, в который отдал свой лагерный паек голодной девушке. Простонародная речь отца Павла была пересыпана пословицами, многие из которых зафиксированы в его дневнике. Среди других встречается такая: «Теплое слово и в мороз согревает»². Сколько оставлено воспоминаний о батюшкином гостеприимстве, о его теплых и веселых, не лишенных доброго смеха и самоиронии беседах, от которых, по свидетельству очевидцев, рассеивалось всякое уныние! Скольким людям он помог молитвой, советом, участием, а иногда и обличением! Настоятельница Свято-Никольского женского монастыря города Переславля-Залеского игуменья Евстолия (Афонина) говорила об отце Павле: «Он всегда стремился к твоему спасению, а для этого нужно было и смирить, и утешить. Поэтому в течение одной беседы он мог перевести разговор с самого ласкового на обличительный, сокрушительный, просто невыносимый для нашей гордости. Но, смилив тебя, он опять находил

² *Документы к биографии...* С. 503.

теплые, нежнейшие слова для твоего утешения. Просто пустых разговоров у него не было»³. Протоиерей Димитрий Смирнов отмечал, что отец Павел «излучал такую природную теплоту, что хотелось подойти к нему, посидеть рядом, погреться в его лучах света и любви»⁴. На пронизывающем холодном ветру XX века архимандрит Павел сохранил теплоту своего сердца, которой согрел и продолжает согревать каждого человека, обращающегося к нему с верой.

Настоящая книга посвящена, казалось бы, самым известным, но в то же время никогда не теряющим своей важности и актуальности темам и состоит из трех разделов: «О молитве», «О грехе и о покаянии», «О жестокосердии и о милосердии». Выдержки взяты из проповедей, устных рассказов, дневниковых записей и выписок отца Павла⁵.

³ Там же. С. 177.

⁴ Там же. С. 200.

⁵ При составлении сборника использовались следующие издания: *Документы к биографии...*; *Архимандрит Павел (Груздев)*. Избранные места из дневников и тетрадей. 2-е изд. Рыбинск: Издательский отдел Рыбинской епархии, 2017. Тетрадные записи отца Павла публикуются гражданским шрифтом в современной орфографии и пунктуации, с исправлением явных ошибок и опуском.

Иеромонах Павел (Груздев)

О молитве

Молитва — это крылья. Как птица без крыльев, так и человек без молитвы. Ах! Ноги отказались, глаза не видят, да как молиться? Да хоть утром-то: «Во имя Отца и Сына и Святаго Духа». Обед пришел: «Господи, благослови!» <...> Вечер пришел: «Слава Тебе, Господи!» Это обязательно. А кто прибавит к этому еще — и желательно, и похвально.

На молитву надо вставать поспешно, как на пожар...

А молиться за всех надобно, за всех — и за верующих, и за неверующих по примеру Христа: «Господи, прости, не знают бо что творят» [см.: Лк. 23, 34]. Родные мои! А я еще так молюся: «Господи, за молитвы праведников сохрани грешников».

Как можешь, так и молись. Скажу пример. Едет архиерей в один знаменитый монастырь. Глядит: на палубе да что за народ?

— Господи, — он говорит, — что там такое?

Говорят:

— Владыко, во-о-от островок. На этом островке живут святые люди.

Владыка говорит:

— Нет, святые или не святые, никто знать не может.

— Владыко, правильно. Живут святые люди...

Ну, архиерей — сила, велит лодку отчалить. Подъехали к островку. На этом островке стоят три человека, ухватившись за руки. Кланяются ему. Под благословение подошли. Он говорит:

— Что вы за люди?

— А мы, — говорят, — владыко, когда-то мы были рыбаки, потерпели крушение и дали обещание: Господи! Где мы очутимся на твердой земле, с этой земли не уйдем. Вот очутились на этом острове. С тех пор здесь живем. В год раз к нам приезжает священник с материка, нас исповедует.

Он говорит:

— Хорошо, а как же вы молитесь?

— А мы, — говорят, — владыко, знаем, что Святая Троица во Едином Существо. Нас трое, и Святая Троица — Трое, и мы вот молимся: «Трое Вас и трое нас. Помилуй нас, Один Бог!»

Архиерей говорит:

— Нет, отцы и братья, да нет! Давайте я вас научу «Отче наш».

И лепечут — и выучились. А он еще говорит:

— За меня молитесь! И вот этих молитв-то у вас хватит.

— Спасибо, владыко, уж нам спеть будет «Отче наш»!

Владыка благословил их, сам сел в лодку и на корабль. Архиерей говорит:

— Какие еще люди есть на Святой Руси!

Плывет, спать не хочет, ходит по палубе. И глядит: что-то, откуда едет, там какой-то необыкновенный свет. Владыка говорит:

— Видно, их избенка горит.

Нет, горит свет этот ярче и ярче, ближе и ближе. Глядит, эти старики-те ухватились за руки, да и бегут по морю-то да руками машут:

— Владыка, ведь забыли мы молитву ту.
Научи нас, родный!

А владыка говорит:

— Вот что, братие, я архиерей, облечен высшей от Бога властью священства, но по морю бегать не умею. А вы простые люди, а по волнам бегаєте!

— Да как же, владыко, нам молиться? — спрашивают.

— Как молилися, так и молитесь.

— Ну, спасибо, владыко!

И пошли наши старички обратно.

Учись умной молитве сердечной, как учат святые отцы в Добротолюбии, ибо Иисусова молитва есть светильник стезям нашим и путеводная звезда к небу.

Учись творить молитву чрез ноздряное дыхание с сомкнутыми устами. Это искусство есть бич противу плоти и плотских похотений.

К обыкновенной Иисусовой молитве прибавляй: Богородицею помилуй нас.

Молитва везде действует, хотя не всегда чудодействует.

А вот расскажу историю, как человека из петли спас.

Осень на дворе, дождик сумасшедший, ночь. А на моей ответственности восемь километров железнодорожного пути по лагерным тропам. Я путеобходчиком был, потому и пропуск имел свободный, доверяли мне. За путь отвечаю! А за путь отвечать — дело не простое, чуть что — строго спросят.

Начальником нашей дороги был Григорий Васильевич Копыл. Как же он меня любил-то, а за что? За то, что я ему и грибов самых лучших носил, и ягод всяких, словом, получал он от меня в изобилии дары леса.

Ладно! Словом, осень, и ночь, и дождь сумасшедший.

— Павло! Как дорога на участке? — А был Григорий Васильевич Копыл тоже заключенный, но начальник.

— Гражданин начальник, — отвечаю ему, — дорога в полном порядке, все смотрел и проверял.

— Ладно, Павлуха, садись со мной на машину.

А машина — старенький резервный паровоз. Поехали. Машина паровая, сумасшедшая, челюсть уздой не стянешь, авось! Едем. Хорошо! Немного проехали, вдруг толчок, что за толчок такой? Паровоз-то при этом как бросит.

— А-а! Так ты меня за нос водишь? На путях накладки разошлись!

— Григорий Васильевич, да нет, проверял я дорогу-то!

— Ну ладно, верю тебе, — буркнул недовольный Копыл.

Дальше едем. Проехали еще пятьсот метров, опять удар! Родные мои, опять паровоз бросило!

— С завтрашнего дня на две недели тебе пайка хлеба не восемьсот граммов, а триста, — строго говорит Копыл.

— Ну, ваше дело, вы начальник.

Проехали восемь километров до лагпункта. Все сходят, идут в лагпункт отдыхать после работы. А я? Нет, родные мои, пойду туда! Не уследил за дорогой, зараза!

А бежать восемь километров по дождю, да и ночь к тому же.

Бегу... Вот чувствую, чувствую, сейчас то самое место, где толчок был.

Гляжу, матушки! Лошадь в кювете лежит, обе ноги ей отрезало. Ой! Что ты делаешь? Ладно, за хвост и подальше от насыпи сволок. Дальше бегу. А рёву-то, крику! Я уж до костей промок, а начхать. На помощь всех святых призываю, но больше всех обращаюсь:

— Преподобный отче Варлаамие! Я у тебя четыре года жил, угодник Божий! Я твою раку около мощей-то всегда обтирал. Помоги мне, отче Варлаамие, и мои грехи оботри, омой твоими молитвами к Господу нашему, Спасителю Иисусу Христу.

А при том дальше все по дороге бегу и вижу — еще лошадь лежит, Господи!

Делать-то что? Но миловал Господь, не растерялся и эту стащил подальше от дороги. Вдруг слышу, какой-то храп, стон вроде человеческий. А рядом с тем местом шпалорезка была: дорогу-то когда делали, мотор там поставили, крышу соорудили. Что-то вроде сарая. Бревна на шпалы в нем резали.

Бегом туда. Вбежал в эту шпалорезку. Родные мои! Гляжу, а мужик ихний-то, лагерный пастух, и висит. Повесился, зараза! Он лошадей тех пас, немец. Какие тогда были немцы? Арестованные, может, или из Поволжья, не знаю.

Да Матушка Пречистая! Всех святых зову и Михаила Клопского, Господи! Всех, всех призвал, до последней капли!

Ну, что делать? Ножички нам носить запрещено было, потому не носил. За то, что найдут, могли расстрелять. Там за пустяк расстреливали.

Зубами бы узел развязать на веревке, так зубы у меня уже все выбиты, зубов тоже не было. Вот мне один на память оставил следователь Спасский, был такой следователь в ярославской тюрьме.

Как-то я эту веревку путал-путал, словом, пальцами как-то распутал. Рухнул он на пол. Господи! Подошел к нему, развалил его на спину, руки-ноги ему растянул. Щупаю пульс — нету. Ничего в нем не булькает, ничего не хлюпает. Да что делать?

Матушка Скоропослушница! Опять всех святых на помощь, да и Илью Пророка. Помогите нам, грешным!

Нет, родные мои, был я уже без ума. Ведь умер! Мертвой лежит!.. Василие Великий, Григорие Богослове да Иоанне Златоусте, кого только не звал...

Вдруг слушаю, ой! Тут у него, у самого горла, кокнуло. Ой, матушки, задвигалось что-то, пока так изредка; кок-кок-кок. Потом чаще. Обложил его травой, а сам бегом в зону, опять восемь верст. Дождь прошел, а я сухонький, пар из меня валит. Прибегаю на вахту:

— Давай, давай скорей! Дрезину, сейчас же мне дрезину! Человеку в лесу, на перегоне, плохо.

Стрелки на вахте, глядя на меня, говорят:

— Ну, домолился, святоша. Голова у него того!

Думают, с ума я сошел. Побежал, нашел начальника санчасти — Ферий Павел Эдуардович был у нас. Я не знаю, какой он нации, но фамилия его была Ферий. Меня он уважал, нет, не за подачки, а за просто так уважал. К нему обращаюсь:

— Гражданин начальник, так, мол, и так!

— Ладно, давай бегом на дрезину, поехали, — говорит он мне.

Приехали к шпалорезке, а этот там лежит без памяти, но пульс у него уже

функционирует. Ему тут же чего-то кольнули, чего-то дали и привезли в зону. Его направили в эту, санчасть, а меня... Я сам в барак ушел.

Несколько времени прошло, ну, месяц, может, полтора. Мне повестка приходит: «Номер такой-то, просим немедленно явиться в суд на восьмой лагпункт».

Приехал я в суд на восьмой лагпункт, как указано в повестке. Идет суд, а я в суде свидетель. Не меня судят, а паренька того, пастуха из шпалорезки. Как оказалось потом, выяснилось на следствии, он лошадей просто проспал. Ходил-ходил, паспас, да и уснул, а они уж сами под паровоз забрели. Вот теперь собрался суд, и его судят.

— Ну вы, свидетель! Как вы нам на то ответите? Ведь вы знаете, страна переживает критическое положение, немцы рвутся, фашисты дерутся, а он подрывает нашу оборону. Согласны с этим, да?

Встаю, меня ведь спрашивают как свидетеля, отвечаю:

— Граждане судьи, я только правду скажу. Я его вынул из петли. Не от радости он полез в нее. У него, видно, жена есть, фрау, значит, и детки, наверное, тоже есть. Сами подумайте, каково ему было в петлю

лезть? Но у страха глаза велики. Потому, граждане судьи, я не подпишу и не подерживаю выставленного вами ему обвинения. Ну, испугался он, согласен. Уснул — так ночь и дождь. Может, устал, а тут еще паровоз... Нет, не согласен.

— Так и ты фашист!

— Так, наверное, ваша воля.

И знаете, родные мои, дали ему только условно. Я, правда, не знаю, что такое условно. Но ему эту возможность представили. И вот потом бывало, еще сплю на нарах-то, а он получит свою пайку хлеба восемьсот граммов и триста мне под подушку пихнет. Вот так жили, родные мои...

Отец Павел с прихожанами у Троицкой церкви
села Верхне-Никульского

О грехе и о покаянии

Родные мои! Копейки потеряешь — наплевать. Какую одежду потеряешь да украдут — да наплевать. Совесть. У совести нет зубов, а она загрызет до смерти. Я пожил на веку, повертелся и на спине, и на боку. Да как чиста-то совесть... да придешь — чего поешь, да как лягешь — на чем лягешь. Да как спишь — Господи! — дольше бы не будили! А как грязна-то совесть: из бани придешь, чаю напьешься крепкого, сахару как льду сахарного, папушник мягкий и похлебка теплая — всёго нахлебался. Лягешь — а что-то не спится! Аух! Совесть... Не теряйте. Совесть потерять — самое страшное.

Когда-нибудь летом, да? сходим к нашему архимандриту Серафиму на могилку. Он похоронен здесь, в Тутаве, на том левом берегу Волги, за алтарем Троицкой церкви...

но не горькие, а радостные... А думаю, Господь скажет:

— Голоден был, а ты, Павлуха, накормил Меня.

— Когда, Господи?

— Да вот ту девку-то, бендеровку... То ты Меня накормил!

Вот это был и есть самый счастливый день в моей жизни, а прожил я уже немало...

Содержание

От составителя

5

О молитве

9

О грехе и о покаянии

21

О жестокосердии
и о милосердии

41

*Духовно-просветительская
православная литература*

Серия «Каждому человеку»

**АРХИМАНДРИТ
ПАВЕЛ (ГРУЗДЕВ)
ТЕПЛОЕ СЛОВО
И В МОРОЗ СОГРЕВАЕТ**

Составитель

Наталья Александровна Мамлина

Главный редактор *епископ Балашихинский
и Орехово-Зуевский Николай*

Заведующая редакцией *Т. Тарасова*

Редактор *М. Бернацкий*

Технический редактор *З. Кондрашова*

Корректоры *Г. Абудеева, Т. Горячева*

Дизайн *А. Семенов, Е. Морозова*

Верстка *М. Алимпиев*

Подписано в печать 29.09.2021

Формат 84×108 1/32. Объем 2,0 печ. л.

Печать офсетная. Тираж 3 000 экз. Заказ №

Издательство Московской Патриархии

Русской Православной Церкви

119435, Москва, ул. Погодинская, 18

Оптовый отдел реализации:

+7 (499) 246-52-08;

+7 (495) 181-92-92 доб. 22-70, 22-50, 23-37

Магазин на ул. Погодинской: +7 (499) 245-30-68

Магазин на ул. Бакунинской: +7 (499) 246-25-35

E-mail: books@rop.ru, <http://www.rop.ru>